

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г.

Глава XLІ ¹⁾.

Когда замеръ, наконецъ, грохотъ орудій въ честь „новорожденной конституціи“, на землю сошла угрюмая, черная, южная ночь, такая жуткая для сѣверянина, привыкшаго встрѣчать и провожать день въ отблескахъ блѣдныхъ сумерекъ, не покидающихъ небесъ отъ зари до зари. Въ турецкихъ кварталахъ всѣ минареты опоясались рядами шкаликовъ и транспорантовъ; броненосная эскадра, стоявшая на якоряхъ въ Хиосской бухтѣ, а также вся парусная флотилія греческихъ арматоровъ украсились разноцвѣтными огнями, купавшими свои лучи въ темной водѣ Эгейскаго моря. Точно изъ глубины морской доносились къ намъ нѣжные аккорды мандолины; какой-то музыкантъ, вѣроятно изъ Латинскаго квартала итальянцевъ, игралъ на ней серенаду, плавая въ лодкѣ надъ уснувшими волнами...

Дверная ручка повернулась, и въ комнату, гдѣ мы находись, вошелъ кавасъ Али:

— Госпожа!—обратился онъ къ тетущкѣ, дѣлая рукою селямъ по ея адресу:—Правду ли говорятъ въ народѣ, что якобы падишахъ взялъ себѣ въ жены какую-то очень важную принцессу, и вотъ почему стрѣляли изъ пушекъ—только забылъ ея имя?..

— „Конституція“,—подказали мы обѣ въ одинъ голосъ, забавляясь такимъ оборотомъ дѣла; но тутъ же мнѣ стало жаль моего бѣднаго друга, растерянный видъ котораго свидѣтельствовалъ, что ему было не до шутокъ, а на лицѣ, даже въ тонѣ го-

¹⁾ См. „Русск. Старина“, февраль 1916 г.

лоса я прочла: „О, пророкъ! Эти гяуры забрались уже въ твой рай, чтобы ховяйничать тамъ, какъ у себя дома“!..

— Интересно, кто сказалъ тебѣ, что якобы султанъ женился?—спросила тетя:—но если бы это и оказалась правда, что же тутъ необыкновеннаго: вашъ повелитель беретъ себѣ женъ сколько его душѣ угодно—ну, и пусть себѣ женится на здоровье хоть каждый день!..

— Госпожа,—почтительно возразилъ ей нашъ вѣрный слуга,—ты говоришь правильно: на то его священная воля, онъ тѣнь самого Аллаха, убѣжище міра и свѣта, а потому франки не имѣютъ никакого права мѣнять законы ислама...

— Что же они измѣнили?—улыбаясь, спросила тетя.

-- Да то, что всю нашу жизнь перевернули вверхъ дномъ!—былъ отвѣтъ, и нашъ собесѣдникъ махнулъ рукою, какъ бы опредѣляя такимъ образомъ безнадежное положеніе вещей въ царствѣ Магомета.

— Али,—заговорила я,—ты напрасно огорчаешься: франки тутъ ни при чемъ, а конституцію устроилъ вамъ Мидхадъ-паша, такъ какъ онъ надѣется, что благодаря ей Турція опять станетъ, какъ прежде, богатой и сильной державой въ мірѣ...

— А онъ и повѣрилъ ей! Повѣрилъ тому, что обѣщала ему эта хитрая иностранка! - перебилъ меня фанатикъ, и въ глубинѣ его зрачковъ блеснулъ огонь пламенной ненависти:—Развѣ ему не извѣстно, что Аллахъ сотворилъ женщину изъ кривого ребра мужчины ¹⁾, а потому и языкъ у нея также кривой. Недаромъ одинъ святой дервишъ сказалъ, что у глухой овцы больше ума, чѣмъ...

Здѣсь Али, хотя и поздно, а спохватился, что и мы также, его собесѣдницы, принадлежали къ той же категоріи человѣческаго рода, которая не пользовалась хорошей репутаціей у пророка Магомета: голосъ у него вдругъ оборвался, и онъ замеръ на мѣстѣ, точно передъ нимъ упалъ съ неба аэролитъ или явился какой-то страшный призракъ; но это былъ не призракъ и не аэролитъ, а та сложная задача, которую онъ никакъ не могъ рѣшить въ ту или другую сторону, не ломая своего міровоззрѣнія на женщину. Впрочемъ, его психологія была для насъ открытой книгой, и мы свободно прочли въ ней то, что лежало у него въ глубокихъ тайникахъ души.

¹⁾ Въ Коранѣ дѣйствительно это сказано, а именно въ IV его главѣ.

— Дорогой Али,—какъ бы отвѣчая на его нѣмой вопросъ, сказала тетушка,—я не вижу для себя ровно ничего обиднаго, если ты вѣришь, что Аллахъ сотворилъ и меня также изъ кривого ребра! Такъ сказано въ Коранѣ—слѣдовательно, ты здѣсь ни при чемъ! Мы цѣнимъ твое вѣрное, преданное намъ сердце, а это дѣло религіи, и насъ не касается...

— О, госпожа моя!—воскликнулъ нашъ милый, добрый Али, смахивая набѣгавшую слезу и цѣлуя ее въ плечо:—ты сняла каменную гору съ моей души, такъ какъ я всегда думалъ, что это могло тебя оскорбить...

Долго еще обсуждали мы съ разныхъ сторонъ щекотливый вопросъ о „кривомъ ребрѣ“, а главное о „принцессѣ конституціи“; но такъ какъ нашъ милый оппонентъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о логикѣ, то убѣдить его было не легко.

А теперь не пожелаетъ ли читатель узнать, какъ реагировала народная турецкая масса на сложный для нея фактъ объявленія конституціи?.. Я не пишу исторіи, но передаю здѣсь мои чисто субъективные впечатлѣнія, и мнѣ кажется, что они не должны были расходиться тогда съ правдой. Словомъ, мнѣ приходится опять мимоходомъ вернуться къ тому, о чемъ я уже говорила, а именно, что идея парламентаризма, безъ всякихъ церемоній навязанная турецкому народу, никогда и не могла проникнуть до корней его жизни и до глубины его сознанія.

„Калифъ-султанъ,—говорятъ мусульмане,—не простой обыкновенный смертный, какъ всѣ монархи у гяуровъ, а тѣнь Аллаха на землѣ—слѣдовательно, онъ владыка и повелитель міра“. А вотъ и другой тезисъ, охраняющій, какъ цитадель, прерогативы султана: „Никакой законъ,—гласить онъ,—писанный рукою человѣка, не можетъ ограничить власть намѣстника пророка на землѣ. Однако, честолюбивый до безумія реформаторъ Мидхадъ-паша, не взирая на этотъ слишкомъ убѣдительный аргументъ повелѣлъ тѣмъ не менѣе свой корабль между Сциллой и Харибдой и перевернулъ такимъ образомъ новую страницу въ исторіи оттоманскаго государства. Но я веду мсю рѣчь вовсе не къ тому, что извѣстно каждому, а передаю здѣсь тѣ мелочи, которыя могутъ послужить для иллюстраціи настроенія турецкаго общества въ дни конституціонныхъ ликованій европейской прессы, такъ какъ все, что она рассказывала тогда, была лишь грубая фальсификація правды: масса турецкаго народа встрѣтила конституцію не только равнодушно, но и враждебно, проявляя свою антипатію къ ней слишкомъ наглядно. И

дѣйствительно, броженіе умовъ на этой почвѣ создавало много печальныхъ фактовъ и даже кровавыхъ эксцессовъ по отношенію къ христіанскому населенію въ дальнихъ вилайетахъ Малой Азіи, Сиріи, Месопотаніи, Аравіи и къ несказанному огорченію русской дипломатіи въ Болгаріи. Такова была не показная, а другая, обратная сторона „тріумфа“ Мидхадъ-паши надъ самодержавіемъ калифа Ислама! Тогда опять, какъ и въ дни стараго режима, заскрипѣли перья въ канцеляріяхъ посольскихъ дворцовъ, а изъ калемовъ ¹⁾ Блистательной Порты летѣли дерзкіе отвѣты приблизительно такого содержанія: „какихъ еще гарантій и реформъ требуете вы для христіанской „райи“, когда ей уже даны по необъятной милости нашего великаго падишаха всѣ права оттоманскаго гражданства“? Словомъ, при малѣйшемъ давленіи съ нашей стороны въ пользу балканскихъ народовъ и въ игрѣ съ европейской дипломатіей конституція превращалась, такимъ образомъ, въ громоотводъ для турецкой бюрократіи. Органъ Мидхадъ-паши „журналь“ „Stambul“, возражая генералу Игнатьеву на его требованія прекратить, наконецъ, злодѣянія редифовъ въ Болгаріи и Македоніи, выставилъ аргументъ, который вполнѣ отражалъ міровоззрѣніе автора турецкой конституціи, созданной имъ на почвѣ западныхъ тенденцій.

„Ну, развѣ не ясно теперь каждому,—гласила передовая статья,—что генераль Игнатьевъ не знаетъ исторіи своего же государства! Развѣ его Великій Императоръ Петръ I церемонился съ мятежнымъ элементомъ государства и также съ легкимъ сердцемъ, какъ дѣлаютъ это мясники надъ баранами, не отрубалъ у побѣжденныхъ народовъ тысячи головъ и не сажалъ ихъ на колъ? Развѣ и до нашихъ дней Московское правительство не истребляетъ огнемъ и мечомъ Кавказскія племена? А развѣ не обидно для нашего самолюбія, что всѣ дѣянія „русскихъ генераловъ“ ²⁾ проходятъ мимо европейскаго контроля, а намъ ставятъ на видъ каждый шагъ башибузука и не хотятъ понять такой простѣйшей истины, что „легкое кровопусканіе“ даже весьма полезно бываетъ для организма, захваченнаго процессомъ болѣзненныхъ явленій“...

Такая аргументація говорила сама за себя, что подъ флагомъ парламентаризма скрывались люди, носившіе тогда одну лишь маску, размалеванную всѣми цвѣтами либеральныхъ

¹⁾ Министерскіе кабинеты.

²⁾ Образчикъ турецкаго остроумія по адресу генерала Игнатьева.

идей. Но гордая Европа не брезгала этими господами, а прославляла ихъ, какъ защитниковъ цивилизаціи на Востоку отъ варварскихъ покушеній на нее со стороны кровожадной, деспотической Россіи.

Открытіе первой сессіи турецкаго парламента было назначено къ 19 марту новаго стіля, а тѣмъ временемъ я записала въ мой дневникъ нѣкоторые факты изъ жизни Эллинскаго населенія, ожидавшаго отъ конституціи всѣхъ рѣшительно благъ міра, не исключая трона древней Византійской имперіи для подроставшаго тогда „Константиноса“, наслѣдника престола миниатюрной Греціи. Но, не забѣгая впередъ, я должна сказать еще нѣсколько словъ о нашемъ Али, благодаря которому у меня была возможность наблюдать издали картину самыхъ разнообразныхъ теченій вокругъ особы грознаго повелителя Ислама. Въ летучихъ воззваніяхъ, на примѣръ, ходившихъ по рукамъ въ глубинахъ Малой Азіи, на плоскогорьяхъ Тавра, гдѣ обитали свирѣпыя племена лавовъ и курдовъ, ближайшихъ сосѣдей нашему Кавказу, фанатичное, крайне невѣжественное духовенство призывало вѣрныхъ сыновъ Магомету подъ его знамя, собрать, такимъ образомъ, армію и во славу имени Аллаха двинуть ее прямо черезъ Галипполи къ резиденціи Абдуль-Гамида, чтобы освободить его изъ нечистыхъ рукъ какой-то проидохи—„конституціи“...

Въ западной части Анатолиі дикія банды зейбековъ и донгокаховъ ¹⁾ также вѣрили, что якобы иностранная принцесса „конституція“ захватила власть намѣстника пророка и, руководимая пропагандой „священной войны“, устраивали на этой почвѣ кровавые эксцессы...

Такіе листки и другіе съ нѣкоторыми вариантами самаго фантастическаго характера приносилъ мнѣ Али каждый разъ, возвращаясь изъ мечети, гдѣ муллы и улемы раздавали ихъ народу, возбуждая его противъ гяуровъ и сановниковъ Порты, якобы измѣнившихъ законамъ шаріата...

Драгоманъ нашего консульства, читавшій свободно рукописи на арабскомъ и турецкомъ языкахъ, переводилъ намъ ихъ содержаніе, благодаря чему мы всегда были въ курсѣ движенія турецкихъ массъ противъ авантюры любимца Западной Европы Мидхадъ-паши. Словомъ, резюмируя все это, мнѣ приходится вернуться опять къ тому, о чемъ я говорила выше, а именно, что идею парламентаризма народъ встрѣтилъ съ гро-

¹⁾ Племя, населяющее долины и побережье Анатолиі.

маднымъ недоумѣніемъ и крайне враждебно, а это находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что азіатъ понимаетъ власть, только исходящую отъ божества: лучи неба, по словамъ вѣрующихъ мусульманъ, блещутъ какъ солнце на священной головѣ падишаха. Отсюда не трудно видѣть, что прогрессивное теченіе, бравшее свое начало изъ апартаментовъ либеральныхъ сановниковъ, даже не коснулось народной души и не проникло въ его сознаніе.

Но такъ какъ турецкое правительство ходило всегда на помочахъ Европы, то и конституція его не оказалась потому на уровнѣ всѣхъ требованій для азіатскаго государства. Однако самодержавный до мозга костей Абдуль-Гамидъ былъ далеко не изъ такихъ, чтобы церемониться ради какого-то писаннаго листа бумаги хотя бы, на примѣръ, съ могучей силой европейской дипломатіи, а тѣмъ болѣе съ народомъ, ему подвластнымъ, и вотъ что произошло. Въ одинъ изъ неудачныхъ моментовъ жизни Мидхадъ-паши, инициатора и творца конституціи, „либеральный“ султанъ только-что подписавшій актъ о свободѣ и равенствѣ христіанъ съ оттоманами передъ законами государства, взялъ да и показалъ ему свои острые зубы, удаливъ этого баловня фортуны отъ власти за то, что онъ имѣлъ дерзкую мысль ограничить права абсолютнаго монархизма, а дня черезъ два послѣ того, 7-го марта 1877 года, первая сессія турецкаго парламента была открыта при необычайно торжественной обстановкѣ и грохотѣ пушекъ съ высотъ Топхане.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

